

Подходить домой; вдруг баринъ выходитъ изъ калитки, ругаетъ холопа на чемъ свѣтъ стоитъ. «Алешка! гдѣ ты, подлецъ, былъ? Какъ ты смѣлъ безъ спросу уйти?» Струсилъ холопъ: злой былъ баринъ у него да и вышелъ съ налкою. Повинился: «виноватъ, говоритъ, за цвѣткомъ ходилъ, кладъ достать.» Пуще прежняго баринъ озлился. «Я тебѣ, говоритъ, дамъ за цвѣткомъ ходить; я тебя ждалъ, ждалъ!... Подай мнѣ цвѣтокъ: кладъ найдемъ, вмѣстѣ раздѣлимъ.» Обрадовался холопъ, что баринъ хочетъ кладъ вмѣстѣ раздѣлить; подалъ ему цвѣтокъ, и вдругъ баринъ провалился сквозь землю, цвѣтка не стало и пѣтухи запѣли.

Остался одинъ холопъ, поглядѣлъ, поглядѣлъ кругомъ себя, заплакалъ бѣдняга и побрелъ домой. Приходитъ домой, глядитъ, а баринъ спитъ попрежнему. Потужилъ, потужилъ холопъ да такъ и остался не причемъ, лишь только съ боями.

(Записана С. Н. Бочарниковымъ въ г. Зарайскѣ.)

108.

ЛУНА И ЗВѢЗДА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ царь, и не было у него дѣтей. Вотъ они просили Бога, чтобъ далъ имъ на утѣшеніе дѣтище. Черезъ нѣсколько времени стала государыня въ тягости: очень они обрадовались; и родилась у нихъ дочь; нарекли ей имя **Луной**. И такъ радъ былъ государь! Выписали придворныхъ всякихъ—учить ее... Черезъ нѣсколько времени стала опять государыня въ тягости; и такъ всѣ рады были, что Богъ далъ ей такое *дарованье*. Родилась у нихъ еще дочь, и дали ей имя **Звѣзда**. И такія онѣ красавицы были, уму непостижимо!... Красоты неописанной. И такъ растутъ эти красавицы; всѣ пріѣзжаютъ, дивуются на нихъ... Было имъ

уже эдакъ лѣтъ 12; было которой-то дочери рожденъе. Сдѣлалъ царь балъ диковинный. Изъ всѣхъ городовъ, губерній съѣхались поздравлять; всякій желалъ ихъ красоту видѣть. Пошли въ садъ прогуляться, а папенку и маменьку оставили дома. Вдругъ вихорь набѣжалъ, схватило обѣихъ сестеръ и понесло... Всѣ гости кричатъ, сдѣлался необыкновенный крикъ... А вихорь ихъ все несетъ выше и выше... Всѣ гости кричатъ; государь выбѣжалъ: что такое, что такое?— «Ахъ, батюшка — цари! Вонъ ваши дѣтки! Онъ такъ и упалъ безъ памяти...

Всѣ сенаторы послали сейчасъ всѣхъ солдатъ разыскивать: можетъ, гдѣ нибудь упали. Искали, искали; нигдѣ не нашли. Смотрятъ, въ необыкновенныя зеркала глядятъ, не видно ли ихъ гдѣ? Нѣтъ, не видно. Волхвовъ спрашивали; искали день и два и три, недѣлю и больше. Такъ и мѣсяцъ проходитъ, нѣтъ... Въ лѣсахъ искали, не нашли... «Въ море, стало быть—говорятъ—упали!»

Годъ прошелъ и другой... Потомъ черезъ нѣсколько лѣтъ государыня стала въ тягости, родила Ивана царевича. И растетъ онъ не по днямъ, а по часамъ и такой умный, разумный!... А государыня все плачетъ, неутѣшно плачетъ по своимъ но дочерямъ, по Лунѣ и Звѣздѣ. Иванъ царевичъ приходитъ: «маменька, милая, что вы плачете?»—Нѣтъ, говоритъ, ничего.—«Маменька, милая, скажите!» — Ахъ, другъ мой Ваничка, было у меня еще двѣ дочери прежде тебя... «Гдѣ же онѣ?» Она ему и рассказала... «И нѣтъ о нихъ ни слуху, ни духу!»... Маменька, говоритъ; позвольте: я пойду сестрицъ разыскивать.. «Нѣтъ, говоритъ, не ходи, не найдешь... Дочерей, говоритъ, мы лишились и тебя лишился!»—Всячески просила. Отецъ узналъ, упрашивалъ; потомъ призываетъ министровъ: «вотъ, говоритъ, господа сенаторы, мой сынъ день и ночь плачетъ, хочетъ идти

сестеръ разыскивать!»—Говорятъ сенаторы: отчего не благословить, когда у него такое желаніе?—«Какъ, говорить, въ такихъ *взюныхъ* лѣтахъ? Какъ бы слухи, говорить, были какіе?» Очень онъ на государыню гнѣвался: зачѣмъ внушали ему?—Думали, думали, такъ и благословили. «Я, говорить, безъ всего иду, только съ вашимъ благословеніемъ!» Онъ такъ и пошелъ: «маменька!—говорить—не плачьте, не тужите; я отыщу своихъ сестрицъ!» Идетъ онъ недѣлю и двѣ лѣсомъ; и вдругъ видитъ двухъ лѣсныхъ высочайшихъ и дерутся. «Ахъ, говорить, Иванъ царевичъ, разсудись, пожалуйста.» — Три вещи у этихъ у лѣсныхъ: скатерть самобранка, сапоги скороходы, шляпа невидимка!—Иванъ царевичъ и говоритъ: «вотъ, говорить, вамъ верста, кто къ ней прежде прибѣжитъ, тому двѣ вещи, а кто послѣ одна.» Бѣгутъ они, другъ дружку обгоняютъ, добѣжали и ворочаются, а этотъ Иванъ царевичъ надѣлъ шапку невидимку, не видно его. «Ахъ, гдѣ Иванъ царевичъ? Гдѣ Иванъ царевичъ?» Бѣгаютъ кругъ него, а его не видятъ. Искали часа три, плачутъ, бросились въ лѣсъ искать, а этотъ Иванъ царевичъ скинулъ шапку невидимку, надѣлъ сапоги скороходы; какъ шагнетъ, такъ пять верстъ; какъ шагнетъ, такъ пять верстъ. Ъстъ ему захотѣлось. «Ну, говорить, скатерть развернись.» Вдругъ явилась всякія кушанья, напитки. Идутъ дорогой мужички. Онъ и зоветъ ихъ: «мужички! пожалуйте сюда. Садитесь, говорить, пожалуйста.» Вотъ они сѣли, напились и наѣлись. Иванъ царевичъ и думаетъ: «слава Богу, все у меня есть!»—А эти мужички дивятся; поблагодарили его, пошли. Пошелъ и онъ; приходитъ въ лѣсъ дремучій. Стоитъ избушка, повертывается на курьихъ копыткахъ. «Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!» Она повернулась. Онъ входитъ въ эту избу, а тамъ баба яга, старуха волшебница. «Нынѣ, говорить, рус-

снѣй духъ въ очью является! Что ты, Иванъ царевичъ, дѣло нѣтаешь или отъ дѣла, нѣтаешь?»—Вотъ у меня, говоритъ, двѣ сестры пропали: не знаешь ли, не слыхала ли?—«Знаю твоихъ сестеръ. Ихъ духи унесли; тебѣ ихъ недостатокъ. Такіе-то вихри сильные, волшебные. Тебѣ нельзя и подойти. Сестра Луна, говоритъ, въ серебряномъ дворцѣ, а Звѣзда въ золотомъ дворцѣ. Ты и не найдешь ихъ: далеко, далеко!»—Нѣтъ, говоритъ, я пойду.—«Ну, ступай, тамъ моя сестра. Вотъ тебѣ клубочикъ, куда клубочикъ покатится, туда и иди и придешь къ моей сестрѣ.» Онъ поблагодарилъ, покатилося клубочикъ, онъ идетъ, съ нѣдѣлю шелъ до второй ея сестры. Приходитъ. Та еще сердитѣе, злѣе. «Я, говоритъ, сердита, хитра, мудрена, а третья еще злѣе. Вотъ тебѣ, говоритъ, платочикъ; отдай отъ меня въ подарокъ. Она тебя приметъ.» Вотъ онъ опять пошелъ по клубочку, приходитъ, платочикъ ей подаль отъ сестры въ подарокъ. «Ну, говоритъ, какое твое дѣло?» Я, говоритъ, ищу своихъ сестеръ. Не знаешь ли ты, гдѣ мои сестры?—«Луна, говоритъ, у перваго вихря; только тамъ стѣна каменная; и двѣнадцать человѣкъ стоятъ день и ночь, тебя не пропустятъ. А про другаго вихря нечего и говорить: очень золъ.» Вотъ онъ распростился, пошелъ.

Подходитъ къ этому дворцу. Стѣна каменная высочайшая: ни подъ какимъ видомъ нельзя взлѣсть на нее и двѣнадцать человѣкъ стоятъ день и ночь. Подходитъ и проситъ онъ, чтобъ его впустили: ни за что не соглашаются. Онъ надѣлъ шапку невидимку, перелетѣлъ туда. Видятъ часовые: онъ во дворѣ ходитъ. «Ну, говорятъ, какъ бы мы согласились! Это насъ духъ испытывалъ!» А Иванъ царевичъ пошелъ во дворецъ; вошелъ въ одну горницу, никого нѣтъ, вошелъ въ другую, въ третью; въ пятую горницу вошелъ, на диванѣ почиваетъ его сестра Луна, ужъ такая красота...

Она лежитъ, почиваетъ крѣпкимъ сномъ. «Милая сестра! проснись, пробудись! Папенька—маменька прислали поклонъ.»—У меня, говоритъ, братьевъ нѣтъ. Онъ разсказалъ ей; она обрадовалась, испугалась. Плакала, плакала съ радости. «Ахъ, говоритъ, вѣдь, сейчасъ вихорь прилетитъ; онъ тебя, говоритъ, на мелкія части разорветъ!»—Не боюсь, говоритъ, я никого на свѣтѣ.—«Ахъ, онъ, говоритъ, злой!»—Иванъ царевичъ показалъ ей шляпу невидимку, успокоилъ ее. Вдругъ летитъ вихорь; Иванъ царевичъ сейчасъ на себя надѣлъ шапку невидимку: невидно его. «Ахъ, говоритъ, Луна, у тебя русскимъ духомъ пахнетъ; вѣрно, твой братъ пришелъ.»—У меня нѣтъ братьевъ.—Вотъ этотъ вихорь бросился искать; искалъ вездѣ и въ шкафахъ и въ сундукахъ, нигдѣ не можетъ найти.—«Вѣрно, говоритъ, твой братъ пріѣхалъ!»—Да хоть бы пріѣхалъ, чтобы ты сдѣлалъ?—«Ничего,» говоритъ.—Она и говоритъ: «Иванъ царевичъ, покажись!»—Онъ снялъ шапку невидимку. Видитъ вихорь и говоритъ: «я, говоритъ, хитеръ, а онъ еще мудренѣе. Какъ, говоритъ, васъ сюда занесло?»—Да, говоритъ, меня кровь заставила искать, вотъ я и нашелъ.—Сейчасъ сестра побѣжала кушать принести. «Не беспокойся! Я, говоритъ, самъ тебя накормлю. Скатерть, развернись!» И явились разные кушанья и напитки. Вихорь кушаетъ, хвалитъ: «ахъ, въ Россіи какія кушанья, какіе напитки!» И живетъ Иванъ царевичъ недѣлю и двѣ. «Я, говоритъ, тебя, сестра, увезу.»—Нельзя, говоритъ: онъ догонитъ, убьетъ. Надо, говоритъ, лучше къ Звѣздѣ зайти; за ней тамъ царь дѣвица живетъ; она власть большую имѣетъ надъ этими духами.—Распростился Иванъ царевичъ, поѣхалъ къ другой сестрѣ Звѣздѣ.

Пріѣзжаетъ къ дворцу, стоитъ стѣна высочайшая. Стоять 12 человекъ, никого не пускаютъ къ дворцу. А той Звѣзды мужъ надъ всѣми вихрями вихорь, самый удушливый. Также

часовые Ивана царевича не пропустили; онъ надѣлъ шапку невидимку, прошелъ; они и говорятъ: «вотъ онъ ужъ во дворъ ходитъ; это насъ самъ духъ любопытствовалъ.» Вошелъ Иванъ царевичъ въ первую комнату, нѣтъ никого; во вторую, третью; въ пятой комнатѣ его сестра, Звѣзда, еще прекраснѣе, крѣпкимъ сномъ поживаетъ. «Милая сестрица! проснись, пробудись; къ тебѣ братъ пришелъ, отъ отца—матери поклонъ принесъ.»—Нѣтъ, говоритъ, у меня братьевъ.—Онъ ей рассказалъ все... Она такъ рада, такъ рада... Только она и говоритъ: «да вѣдь у меня лютый вихорь; онъ тебя на части разорветъ.» Не безпокойся, говоритъ: онъ меня не увидитъ. Показалъ ей шапку невидимку. Прилетаетъ вихорь. «Ахъ, говоритъ, Звѣзда; вѣрно, твой братъ пришелъ.»—У меня, говоритъ, нѣтъ братьевъ.—«Нѣтъ, говоритъ, русскимъ духомъ пахнетъ; вѣрно, пришелъ; покажи!»—Да ты его разорвешь!—«Ей—богу, говоритъ, не разорву.»—Иванъ царевичъ шапку невидимку снялъ, гостилъ и у нихъ также. Вотъ и говоритъ онъ Звѣздѣ: «я, говоритъ, тебя увезу!»—Нѣтъ, догонитъ насъ вихорь... А вотъ въ этомъ государствѣ есть царь дѣвица и она имѣетъ большую силу надъ этими духами... Она, говоритъ, тебя желаетъ видѣть.—Вотъ погостилъ Иванъ царевичъ у сестры недѣлю и двѣ, распростился, поѣхалъ.

Пріѣзжаетъ къ царь дѣвицѣ. Ужъ такъ царь — дѣвица обрадовалась. Красавица изъ себя царь дѣвица. «Ахъ, Иванъ царевичъ, какъ васъ Богъ сюда занесъ?»—Кровь, говоритъ, меня привела. Сдѣлай, говоритъ, мою просьбу: нельзя ли моихъ сестеръ избавить? васъ, говоритъ, возьму въ супружество.—Она и говоритъ: хорошо, говоритъ. У меня есть 12 главныхъ змѣй; на цѣпяхъ двѣнадцать лѣтъ прикованъ; я его спущу, онъ побѣдитъ вихря.—Поговорили они тутъ. «Ну, говоритъ, Иванъ царевичъ, пойдѣмъ къ змѣю!» Пришли; она и сира-

пиваетъ этого змѣя: «можешь ли ты побѣдить вотъ этихъ двухъ духовъ—вихрей?»—Могу, говорить, только дайте мнѣ время на мѣсяцъ въ волю говядины и пива, что мнѣ угодно.—Выпустили этого змѣя и даютъ ему каждый день по быку пищи и по котлу пива; сталъ змѣй поправляться. Прошелъ мѣсяцъ, взялъ змѣй свое оружіе, полетѣлъ. «Ждите,» говорить. Полетѣлъ онъ къ этимъ духамъ. Духи слетаются; сражались, сражались, 10 головъ сшибли, а онъ ихъ огнемъ, кохтями... Убилъ, туловище бросилъ въ море, головы повезъ къ царь дѣвицѣ.

Иванъ царевичъ съ царь дѣвицей ѣдутъ въ полѣ верхами, приняли змѣя съ радостію. Приѣзжаютъ къ Звѣздѣ. «Милая сестрица! вотъ что царь—дѣвица для насъ сдѣлала!» Родовались, веселились. А змѣю дали волю—свободу; пилъ и ѣлъ, что хотѣлъ... Змѣй такъ радъ, такъ радъ, что остался на свободѣ. И опять 12 головъ ему приросли: потому змѣй—духъ... Пировали у Звѣзды съ недѣлю. «Что-то, говорить, теперь Луна думаетъ: не видитъ своего духа!» Иванъ царевичъ и говорить: «ну, сестра, собирайся, пойдемъ!»—Что мнѣ собираться?—Вышла на крылечко, промолвила словечко, покатила яичко по золотому блюдечку: скатайся мой домъ въ золотое яичко. «Коверъ - самолетъ! влетай ко мнѣ!» Явился коверъ самолетъ, полетѣли къ Лунѣ втроемъ. Приѣхали къ сестрѣ. «Ну, милая сестрица, надо намъ собираться!» Вотъ она вышла на крылечко, промолвила словечко, покатила яичкомъ по серебряному блюдечку, скатился домъ въ серебряное яичко. Сѣли на коверъ—самолетъ, полетѣли въ свое государство; прилетѣли, какъ птицы. Вышли въ садъ, выкатили яичко—дворецъ, другое—другой... Ѣдетъ посланникъ, докладываетъ царю: «въ вашемъ саду явилось два дворца!»... Вышелъ царь, узналъ все. Такая радость была.. Собрался балъ; Иванъ царевичъ женился;

царь ему свое царство отдалъ. Стали жить—поживать да добра наживать.

(Записана мной Нижегородской губ., въ Ардатовскомъ уѣздѣ, въ с. Котовкѣ отъ старушки Ольги Степановны Котышевой, урожденной въ с. Нучи, того же уѣзда).

109.

СИНИЙ РОЗАНЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, жилъ былъ царь; у царя былъ сынъ, Иванъ царевичъ. Вотъ одинъ разъ пошелъ царь на войну на французовъ; взялъ французскаго царя въ плѣнъ, а самъ поѣхалъ въ другія земли царствовать, а дома оставилъ сына, Ивана царевича. Вотъ и пошелъ Иванъ царевичъ на гауптвахту, гдѣ сидитъ этотъ французскій царь. Пришелъ; этотъ царь и говоритъ: «пусти, говоритъ, меня, Иванъ царевичъ! Подумай самъ: еслибъ твоего отца взяли въ плѣнъ, какъ бы ты плакалъ! А у меня тоже дѣти есть, плакать будутъ». Вотъ Иванъ царевичъ сейчасъ этого царя взялъ, вывелъ да и пустилъ на волю. Всѣ солдаты тутъ и говорятъ: «Иванъ царевичъ, что вы дѣлаете?»—Не вы будете отвѣчать!

Донесли царю, что Иванъ царевичъ выпустилъ французскаго царя изъ темницы. Царь разсердился, написалъ указъ: «выгнать его (Ивана царевича) изъ царства, а кто его приметъ къ себѣ, того въ солдаты.» Сейчасъ Иванъ царевичъ взялъ съ собой немного денегъ, пошелъ; на четвертый день пришелъ въ другую губернію, гдѣ его прежній дядька губернаторомъ. Дядька принялъ его такъ хорошо. Дошелъ до царя слухъ, что Иванъ царевичъ тамъ; написалъ онъ дядькѣ указъ—прогнать Иванъ царевича. Вотъ дядька далъ ему десять тысячъ денегъ и саблю. «Береги, говоритъ, ее пуще глазъ; она тебя вездѣ проведетъ.» Вотъ онъ и пошелъ.